

Александр Радчук

БОЛЬШАЯ ЯДЕРНАЯ ИГРА В XXI ВЕКЕ: РАЗОРУЖЕНИЕ ИЛИ ВОЙНА?

И как бы мне хотелось, чтобы меня приняли в эту игру! Я даже согласна быть Пешкой, только бы меня взяли... Хотя, конечно, больше всего мне бы хотелось быть Королевой!

Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

После того, как в августе 2009 г. президент России Д.А. Медведев направил послание В.А. Ющенко по широкому кругу проблем российско-украинских отношений и приостановил проезд российского посла в Киев до выборов нового президента Украины, украинские националистические организации Крыма обратились к официальному Киеву с воззванием, предложив срочно собрать из подручных материалов 15–20 ядерных боеголовок, поставить их на тактические ракеты и дать, тем самым, ответ Москве на ее дипломатический демарш¹. Этот, казалось бы, анекдотический случай наглядно показал то, насколько прочно и глубоко ядерное оружие проникло в нашу жизнь.

В жизнь не только политиков и военных, но и простых людей, которые вполне естественным считают использование ядерных угроз для решения любых вопросов. Действительно, практически два поколения живут в мире, в котором существует самое разрушительное за всю историю человечества оружие, способное уничтожить не только города и армии, но и планету целиком. В мире, в котором уже шесть десятилетий параллельно развиваются два взаимосвязанных процесса – гонка стратегических наступательных вооружений и ядерное разоружение.

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ СЕГОДНЯ

Сегодня вопрос обладания ядерным оружием (ЯО) неизбежно рассматривается каждым государством с *колокольни* национальных интересов. Ведь в условиях, когда мировая экономика явно дает сбой, зачастую именно военная сила становится фактором, определяющим международный статус государства. В то же время субъективный характер современной политики, в которой личные качества некоторых лидеров начинают превалировать не только над политической целесообразностью, но и даже над здравым смыслом, действительно заставляет задумываться о целесообразности достижения *ядерного нуля*.

Окно возможностей для ядерного разоружения уже не первый год пытаются как можно шире распахнуть очень многие политики и ученые. И вот недавно в бой вступила *тяжелая артиллерия*.

В начале 2007 г. в статье «Мир без ядерного оружия» Джордж Шульц, Уильям Перри, Генри Киссинджер и Сэм Нанн заявили, что сегодня ядерное оружие представляет собой огромную опасность и необходимо перейти к твердому всеобщему согласованному отказу от него, а в перспективе и вовсе исключению исходящей от него угрозы миру, поскольку с окончанием холодной войны ушла в прошлое советско-американская доктрина взаимного устрашения. Это заявление неожиданно оказалось в центре внимания всей *прогрессивной мировой общественности*, которая проявила огромный интерес к идее ядерного разоружения. Казалось бы, сегодня, в разгар мирового экономического кризиса, вопросы экономики и финансов, определение путей взаимовыгодного экономического сотрудничества, необходимость создания новых резервных валют и другие экономические проблемы, на решение которых могут быть направлены усилия многих стран, должны быть в центре общественной дискуссии как в России, так и за ее пределами. Однако даже президент Ирана Махмуд Ахмадинежад выступил на Генеральной ассамблее ООН в сентябре 2008 г. с предложением создать независимый комитет по наблюдению за разоружением ядерных держав².

В преддверии визита президента Соединенных Штатов Барака Обамы в Москву группа известных политиков и военных со всего мира, объединившихся в рамках инициативы *Global Zero*, представила план поэтапного полного уничтожения ядерного оружия на планете к 2030 г.³. Он включает четыре этапа:

- Россия и США договариваются о сокращении своих арсеналов до 1000 ядерных боеголовок у каждой.
- К 2021 г. Москва и Вашингтон снижают порог до 500 единиц. Все остальные ядерные державы (Китай, Великобритания, Франция, Индия, Пакистан, Израиль) соглашаются заморозить и в последующем сократить свои арсеналы стратегического оружия.
- С 2019 по 2023 г. – заключение «соглашения о глобальном ноле», с графиком поэтапного проверяемого сокращения всех ядерных арсеналов вплоть до минимума.
- С 2024 по 2030 г. – процесс должен быть окончательно завершён, а система верификации продолжит работу.

С материалами по вопросам разоружения вы можете ознакомиться в разделе «Пути ядерного разоружения» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/disarmament>

И уже 5 апреля 2009 г. президент США выступил в Праге с речью по проблемам сокращения ядерных потенциалов и заявил:

«Холодная война канула в прошлое, но тысячи единиц оружия времен холодной войны остались. Странным образом повернулась история. Угроза глобальной ядерной войны уменьшилась, но риск ядерного нападения

возрос. Как единственная ядерная держава, которая применила ядерное оружие, США, испытывая моральную ответственность, должны действовать. Нам не добиться успеха в одиночку, но мы можем возглавить борьбу за достижение успеха. Итак, сегодня я заявляю со всей ясностью и убежденностью о приверженности Америки достижению мира и безопасности без ядерного оружия»⁴.

Он сказал также, что ядерное нераспространение должно стать обязательным для всех, и предложил провести в 2010 г. саммит, на котором должен быть принят новый международный закон или правило, которое запрещало бы любые ядерные испытания и даже производство расщепляемых материалов.

12 июня 2009 г. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун выступил с посланием по случаю начала подготовки к Международному дню мира. В нем он объявил о начале кампании под названием «Мы должны избавиться от оружия массового уничтожения». Он обратился к правительствам и людям всего мира с просьбой сосредоточить свое внимание на решении вопросов ядерного разоружения и нераспространения. Было отмечено, что без энергичных мер человечеству по-прежнему будут угрожать существующие запасы ядерных вооружений.

Наконец, состоявшийся в начале июля 2009 г. визит президента Соединенных Штатов Америки Барака Обамы в Москву дал новый импульс процессу дальнейшего сокращения и ограничения стратегических наступательных вооружений России и США. По итогам визита был подписан документ под названием «Совместное понимание по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях стратегических наступательных вооружений»⁵, определивший общие параметры новой «юридически обязывающей договоренности», которая должна прийти на смену истекающему в декабре 2009 г. Договору о СНВ (СНВ-1). Заявлено, что новый договор должен будет действовать следующие 10 лет и определит предельные уровни СНВ сторон следующим образом: для стратегических носителей – 500–1100 единиц и для связанных с ними боезарядов – 1500–1675 единиц.

Допустим, что новый договор по СНВ состоялся и эти уровни сокращений будут через 10 лет достигнуты. Что дальше? Новые десятилетние переговоры с последующими микроскопическими сокращениями? Расширение круга переговорщиков? Распространение ограничений на нестратегическое ядерное оружие? Или внезапный поворот сюжета и либо выработка принципиально новых договоренностей, либо полный отказ от них?

В какой-то мере раскрывает американское видение перспектив двустороннего ядерного разоружения интервью вице-президента США Джона Байдена, опубликованное 25 июля 2009 г. в *The Wall Street Journal*⁶, в котором он заявил, что нарастающие экономические трудности вынудят Москву смириться с утратой ею прежней геополитической роли, что повлечет за собой ослабление российского влияния на постсоветском пространстве и значительное сокращение российского ядерного потенциала. По его мнению, именно неспособность российской стороны поддерживать свой ядерный потенциал стала для нее главным мотивом к возобновлению переговоров по его сокращению с президентом Бараком Обамой. При этом господин Байден четко дал понять, что США должны играть роль старшего партнера «ослабевающей России».

Одновременно профессор Джорджтаунского университета Эдвард Иффт, последний представитель США на переговорах по договору по ПРО, предлагает следующие дальнейшие шаги в российско-американском процессе сокращения вооружений⁷:

- Сократить ядерные вооружения сторон до уровня примерно 1000 развернутых стратегических боеголовок. «Ничего особенного в цифре 1000 боеголовок нет. Просто 1000 – хорошая круглая цифра». (Сильный аргумент!) При этом система сдерживания продолжит функционировать в неизменном виде, сохранится триада ядерных сил и существующая система верификации.
- При более глубоких сокращениях «количественные изменения перейдут в качественные» и «возможно, придется пересмотреть концепцию сдерживания, включая расширенное сдерживание». В то же время «сдерживание – фундаментальный аспект международной безопасности, и нужда в нем останется, даже если будет ликвидировано все ядерное оружие». Однако «по мере уменьшения роли ядерного оружия система сдерживания будет все больше зависеть от обычных вооружений. ... Обычные вооруженные силы будут играть комплексную роль в системе сдерживания».

Последний тезис полностью вписывается в идеологию *новой стратегической триады* США. И все было бы прекрасно, но, судя по всему, в нее не вписывается Россия, поскольку ей предлагается «с большим пониманием отнестись к замещению небольшого количества ядерных боеголовок неядерными», а также «приступить к решению вопроса, связанного с обширным арсеналом тактических и достратегических ядерных боеголовок». Правда, соображений о том, каким образом будут сокращаться и ограничиваться обычные вооружения, по которым США имеют подавляющее превосходство, Эдвард Иффт не высказывает.

С чем же связано сегодня такое повышенное внимание к вопросам ядерного разоружения? С традиционными опасениями по поводу ядерных арсеналов России и США, которые могут, как в годы холодной войны, привести к ядерному конфликту между ними с катастрофическими последствиями для всего мира? Или с такими же традиционными взглядами на стратегические наступательные вооружения как на локомотив российско-американских отношений, которые должны вытащить за собой решение других вопросов двустороннего

диалога? А может быть, это надежда на то, что новые решения позволят каким-то образом повлиять на другие как *де-юре*, так и *де-факто* ядерные державы? Или просто неспособность по-новому взглянуть на ситуацию и реально оценить роль и место ядерного оружия в современном мире вообще и в российско-американских отношениях, в частности?

Вряд ли на все эти вопросы можно ответить однозначно.

Все программы перехода к безъядерному миру, все предлагаемые шаги в этом направлении, перечень конкретных мероприятий, которые необходимо провести, выглядят пока достаточно схоластически. И это происходит потому, что они не решают сути проблемы. А суть состоит в том, что в современном мире, как это ни прискорбно звучит, только ядерное оружие, являющееся крайним воплощением военной мощи, служит надежным гарантом безопасности любого государства.

Ведь сегодня, в период глобальных цивилизационных изменений, нет ответа на основной вопрос, без которого говорить о перспективах ядерного разоружения вряд ли имеет смысл: чем же в настоящее время и в будущем является ядерное оружие – всего лишь самым грозным воплощением военной мощи уходящей эпохи или прототипом и основой оружия будущего века? Исчерпали ли себя военные способы разрешения межгосударственных конфликтов, и если нет, то останется ли ядерное оружие, а следовательно, и ядерное сдерживание эффективным способом разрешения противоречий и защиты национальных интересов? Уйдет ли силовое сдерживание противников и конкурентов из арсенала внешнеполитических средств?

Нет разговора о реальных, а не выдуманных роли и месте ядерного оружия в XXI в. О значении военной силы. О действенных международных механизмах обеспечения безопасности. О том, существует ли в мире еще хотя бы один столь статусный атрибут государства, как ядерное оружие? И почему такое множество стран стремится обладать им? Почему оказалось, что список официальных (по ДНЯО) ядерных держав совпадает со списком постоянных членов Совета Безопасности ООН? И вообще, каковы роль и место ядерного оружия и ядерного сдерживания в современном мире?

ВЗГЛЯДЫ ЧЛЕНОВ ЯДЕРНОГО КЛУБА

Во взглядах на роль и место ЯО в современном мире и в будущем существует широкий спектр мнений, лежащих между двумя диаметрально противоположными точками зрения: от необходимости полного исключения ЯО из арсенала средств вооруженной борьбы до целесообразности его превращения из *политического оружия* в *оружие поля боя*.

Представители первой точки зрения (например, академик Е.А. Федосов⁸) считают, что в современных условиях ядерная война не позволяет достичь тех политических целей, ради которых развязывается военный конфликт. Считается, что постепенно происходит отказ от ядерной парадигмы XX в. и смена всей политики вооруженной борьбы в XXI в. Альтернативой ЯО становятся современные высокотехнологичные системы с высокоточным оружием, способные в обозримом будущем полностью заменить ядерные вооружения в качестве сдерживающего фактора.

Мнение о возможности решения конкретных боевых задач применением ЯО в ходе военных действий основывается на том факте, что, несмотря на то (хотя, возможно, именно потому), что угроза крупномасштабной ядерной войны почти исчезла, ослаб политический и психологический барьер, делавший применение ядерного оружия практически недопустимым. Это позволяет признать допустимость, а в некоторых случаях и целесообразность его ограниченного применения. Поэтому опора на ЯО, так же как и планируемые шаги по его модернизации, не является просто капризом или *происками* отдельных деятелей. Она представляет собой ответ на реально существующие или, по крайней мере, явственно ощущаемые угрозы. Подтверждением этому тезису является принятое в 2003 г. Сенатом США положительное решение на запрос администрации Джорджа Буша об ассигнованиях на разработку нового типа ЯО – боезарядов малой мощности, предназначенных для поражения высокозащищенных целей на большой глубине.

Кроме того, были запрошены средства на сокращение сроков готовности ядерного полгона в Неваде к проведению испытаний⁹.

И в США не все разделяют мнение о необходимости дальнейшего ядерного разоружения и исключения ядерного сдерживания из арсенала средств обеспечения безопасности государства. Так, бывший постоянный представитель США в ООН Джон Болтон считает ошибочной позицию Барака Обамы, в соответствии с которой уменьшение ядерного потенциала США сделает мир более безопасным и снимет желание ряда стран создать ЯО: «Политика Обамы опасна для США и их союзников, которые находятся под их *ядерным зонтиком*. Хотя Обама думает, что решительное сокращение ядерного оружия, которым располагают США, уменьшит риски распространения ядерных вооружений, на самом деле итог таких действий будет прямо противоположным». Бывший министр обороны США Джеймс Шлессинджер полагает, что отказываться от ЯО вовсе не стоит, так как это не в интересах США и остального мира:

«*Ядерный зонтик* США играл и играет существенную роль в нераспространении. Без него некоторые наши союзники, а возможно, и значительное количество наших союзников почувствовали бы необходимость создания своего собственного ядерного оружия. ... Если по воле чуда мы могли бы уничтожить ядерное оружие, мы получили бы определенное количество стран, обладающих возможностью развязать войну или претендующих на обладание такой возможностью в целях запугивания».

По его словам, ЯО используется США каждый день для сдерживания потенциальных противников и для предоставления гарантий союзникам в Азии и Европе:

«Если бы мы защищали только Североамериканский континент, мы могли бы делать это с гораздо меньшим количеством оружия, чем имеем сегодня. Нам понадобится сильное средство сдерживания, по крайней мере, на протяжении нескольких десятилетий, а по моему суждению, в большей или меньшей степени бессрочно»¹⁰.

Стратегические наступательные вооружения, вследствие огромной разрушительной мощи ЯО, межконтинентальной дальности действия и долговременных глобальных последствий применения, предназначены для выполнения задач стратегического сдерживания (в первую очередь – на глобальном уровне), определяемых военно-политическим руководством государства как на военное, так и на мирное время, в интересах обеспечения реализации политики сдерживания потенциальной агрессии. При этом ЯО становится стратегическим не только в смысле чисто военном, как решающее стратегические задачи войны в целом, но и в более общем – в смысле *высшей* (или *большой*) стратегии (А.Е. Вандам¹¹, Эдгард Джеймс Кингстон-Макклори¹², Бэзил Генри Лиддел Гарт¹³, В.Я. Новицкий¹⁴).

С этой точки зрения военная стратегия – только часть общей, или высшей стратегии государства, которая не только определяет место и роль военной стратегии в долгосрочной исторической деятельности государства, охватывающей и сопрягающей мирные и военные периоды жизни страны, но и представляет собой координацию и направление всех ресурсов страны или группы стран на достижение политической цели войны – цели, определяемой государственной политикой.

Поскольку, как еще в 1913 г. писал русский военный мыслитель В.Я. Новицкий, «задача высшей стратегии заключается в обеспечении самостоятельного существования и дальнейшего развития государства, в соответствии с его политическими, экономическими, историческими и культурными интересами», то появление ЯО позволило практически гарантированно обеспечить решение этой задачи. В то же время, если военная стратегия ограничивается рассмотрением вопросов, связанных с войной, то высшая стратегия занимается вопросами, связанными не только с войной, но и с последующим миром. Она должна не только сочетать различные средства ведения войны, но и обеспечить такое их использование, чтобы избежать ущерба для будущего мира – его безопасности и процветания. Цель высшей стратегии: в мирное время – избежать войны или защитить национальные интересы, не прибегая к военным действиям; в период войны – определять цель войны, планы и методы ее ведения. Таким образом, ЯО является *стратегическим* именно с точки зрения высшей стратегии.

Следует признать, что более шести десятилетий нет новой мировой войны, как бы противники ядерного сдерживания не опровергали этот тезис. Мировые войны развязываются сверхдержавами, они ими же и предотвращаются. При этом ядерное сдерживание, пусть в достаточно специфической форме, работает и сегодня. Самый наглядный пример – Северная Корея и Иран, для которых наличие ядерных программ, лишь обеспечивающих потенциальную возможность создания ЯО, является вполне работоспособным инструментом обеспечения своей безопасности. Ядерные испытания КНДР и ракетные испытания Ирана заставляют многие страны менять тон в разговоре с ними. Ведь, как считают многие авторитетные специалисты, если бы у Саддама Хусейна было ОМУ, США вряд ли начали бы войну против Ирака. И в Югославии ЯО не было.

Не по этой ли причине все больше проблем возникает в процессе выполнения Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), в первую очередь, с точки зрения так называемых *негативных* гарантий обеспечения безопасности неядерных государств со стороны ядерных держав – т.е. гарантий от давления или шантажа со стороны стран, обладающих ЯО?

В соответствии с ДНЯО, только государства, произведшие и испытывшие ЯО до 1 января 1967 г., признаются в качестве ядерных держав. Такими странами являются США, Россия, Великобритания, Франция, Китай.

В то же время, по данным СИПРИ¹⁵, по состоянию на январь 2007 г., помимо ядерной *пятерки*, еще как минимум четыре государства обладают ядерным оружием. Это: Индия – около 50 ядерных боезарядов, Пакистан – около 60, Израиль – примерно 100, КНДР – около 6 ядерных боезарядов.

Все те страны, которые могут создать ЯО и не попадают в ту или иную систему гарантированного обеспечения своей безопасности (КНДР, Иран), как мы видим, не отказываются от его создания. И сегодня, по разным оценкам, существует от 20 до 45 стран, способных создать ЯО.

США

Соединенные Штаты Америки являются первым государством в мире, ставшим обладателем ЯО. При этом они не только первыми провели ядерные испытания в июле 1945 г., но первыми (и единственными!) применили его в военных целях – уничтожив в августе того же года японские города Хиросиму и Нагасаки.

Скорость, с какой было создано ЯО, поражает! Всего чуть больше шести лет прошло от момента информирования Лео Сциллардом и Энрико Ферми правительства США о возможном влиянии атомных исследований на технику ведения войны (март 1939 г.) до первого ядерного взрыва на полигоне в Аламогордо в штате Нью-Мексико (16 июля 1945 г.)¹⁶. И все это в условиях Второй мировой войны.

За шесть с лишним десятилетий ядерные доктрины США неоднократно изменялись. В январе 2002 г. конгрессу США был представлен доклад о состоянии ядерных вооружений, в котором изложены основные положения американской ядерной стратегии и намечены направления развития и преобразования ядерных сил США в ближайшие 5–10 лет¹⁷. При планировании американских стратегических сил подходы времен холодной войны, основанные на угрозах, заменены подходами, базирующимися на возможности, что позволит в ближайшие десятилетия обеспечить надежное сдерживание при нижнем уровне ядерных арсеналов США и их союзников.

В докладе отмечалось, что ядерный потенциал Соединенных Штатов обладает уникальными свойствами, играет важнейшую роль в системе обороны США, их союзников и друзей, позволяет решать важные стратегические и политические задачи, обеспечивает военные возможности для сдерживания широкого круга угроз, включая ОМУ и крупномасштабные обычные вооруженные силы (ВС). Ядерные силы являются главным средством проведения эффективной стратегии сдерживания в отношении широкого круга потенциальных противников в самых различных непредвиденных ситуациях.

Возможности нанесения ядерных ударов различного масштаба, охвата и направленности будут дополнены другими военными средствами. Следовательно, нужна новая комбинация ядерных, неядерных и оборонительных сил для отражения самых различных противников и неожиданных угроз, с которыми США могут столкнуться в ближайшие десятилетия. Поэтому Пентагон установил новую стратегическую триаду, включающую:

- наступательные ударные системы (ядерные и неядерные);
- оборонительные (активные и пассивные);
- обновленная оборонительная инфраструктура для обеспечения новых возможностей в противодействии возникающим угрозам.

При этом первый компонент триады – наступательный – должен превзойти триаду времен холодной войны – межконтинентальные баллистические ракеты (МБР), баллистические ракеты, запускаемые с подводных лодок, и ядерные бомбардировщики дальнего радиуса действия. Оборонительные системы, не допуская ограниченные удары и сокращая их эффективность, в сочетании со способностью Соединенных Штатов нанести ответный удар смогут предотвратить нападение и создать новые возможности для урегулирования кризисных ситуаций, улучшить положение США в региональной конфронтации, обеспечить гарантии против поражения средств традиционного сдерживания. Обновленная ядерная инфраструктура должна позволить США избавиться от ненужного оружия и уменьшить риск возникновения технических проблем.

К 2012 г. оперативно развернутые ядерные силы США должны будут включать 1700–2100 стратегических ракетных боеголовок, 14 атомных подводных лодок с баллистическими ракетами (ПЛАРБ) *Трайдент* (с двумя боеготовыми ракетами из 14 в каждый момент времени), 500 МБР *Минитмен*, 76 бомбардировщиков *B-52H* и 21 бомбардировщик *B-2*. Они будут обеспечивать американскую политику сдерживания, держать на прицеле объекты противника, включая органы политического управления и военную мощь, и препятствовать достижению его военных целей. Типы целей включают управляющие и военные объекты, особенно ОМУ, объекты военного командования и другие центры контроля и инфраструктуры. Таким образом, некоторое количественное снижение ядерного арсенала США, вписывающегося при этом в рамки московского Договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов 2002 г., должно вполне компенсироваться повышением его качества и появлением новых элементов стратегической триады.

Благодаря огромному превосходству над всеми остальными странами в обычных вооружениях в целом и в высокоточном оружии, в частности, Соединенные Штаты могут добиваться большинства военных целей без применения ЯО и с высокой эффективностью, низкими собственными потерями и без глобальной экологической катастрофы. В войнах в Ираке и Афганистане отрабатываются новая структура вооруженных сил США и способы их боевого применения, системы разведки связи и управления. Практически все последние 20 лет ВС США находятся в постоянной готовности к войне и развивают свой военный потенциал.

В то же время стратегические наступательные силы стали сегодня для них обременительны, поскольку достаточно дороги в эксплуатации, и при этом их невозможно применить в обычной войне. Таким образом, говоря современным экономическим языком, ЯО становится *непрофильным активом* современных войн пятого, шестого и последующих поколений. А от непрофильных активов следует избавляться. Причем не просто выбрасывать, а, желательно, *продавать* конкурентам как можно дороже.

Не стоит также забывать и о том, что ядерные силы США интегрированы в общую структуру ядерных сил НАТО. То есть формально способны действовать по единому плану с ядерными силами своих союзников по Альянсу – Великобритании и Франции.

В сентябре 2003 г. в прессе появилось сообщение о том, что ВС США занимаются разработкой нового вида ядерного заряда, созданного на основе гафния и обладающего огромной разрушительной силой. При его подрыве возникает излучение, которое, подобно нейтронной бомбе, уничтожает все живое в районе взрыва. Подобные ядерные заряды позволяют создавать миниатюрные снаряды и затем сбрасывать их с самолета, выстре-

ливать из танков или , и даже из обычных ручных гранатометов¹⁸. Несмотря на то, что закон Фурса–Спратта от 1994 г. запрещает военным разрабатывать ЯО мощностью менее пяти килотонн в тротиловом эквиваленте, в Пентагоне заявляют, что, поскольку гафний детонирует без ядерного распада, он не подпадает под действие ни этого закона, ни других международных договоров, которые ограничивают разработку и распространение ЯО, и гафниевые снаряды к обычным вооружениям ближе, чем к ядерным. Тем не менее, они противоречат определению, которое американское правительство дало ядерному оружию, включив в него любое оружие, которое путем высвобождения излучения или радиоактивности может убить или тяжело ранить значительное количество людей.

Реализация указанной программы фактически переводит ЯО из чисто сдерживающего, политического средства в средство ведения войны наряду с обычными вооружениями. Подтверждением этому являются как программы производства в США новых типов ядерных боеприпасов малой мощности, так и появившиеся в американской прессе в 2003 г. перед началом войны в Ираке сообщения о готовности американцев применить тактическое ЯО для поражения хранилищ ОМУ.

В 2005 г. Соединенные Штаты пересмотрели доктрину применения ЯО, в соответствии с которой президент теперь может отдать приказ об упреждающем ядерном ударе по противнику, готовому применить ОМУ. Теперь США допускают упреждающие удары по государствам или террористическим группам, в частности для уничтожения запасов химического и биологического оружия¹⁹.

По оценке Брукингского института (США) за вторую половину XX в. Соединенные Штаты вложили в *атомный проект* примерно 5,5 трлн долл. При этом на производство собственно ЯО было затрачено не более 7% средств (около 400 млрд долл.). Все остальные затраты приходятся на средства доставки и инфраструктуру, в том числе на оборудование районов базирования ЯО не только на территории США, но и в различных регионах земного шара²⁰.

Поэтому уничтожение только ядерных боеприпасов приведет лишь к тому, что оставшиеся 93% потенциала ядерной войны настоятельно потребуют замены ядерных средств поражения на какие-либо другие. Конвенциональной будет такая замена или нет, определяют экономика, технологические возможности и политическая целесообразность. Не отсюда ли растут ноги идеи оснащения американских МБР обычными боеголовками? Ведь любые попытки поставить вопрос о договорном ограничении именно инфраструктурных параметров встречаются американским военно-политическим руководством в штыки.

Сегодня в администрации Барака Обамы готовится новый обзор ядерной политики США. Хотя ключевые положения его пока не известны, нет никаких оснований полагать, что коренные принципы ядерной стратегии Соединенных Штатов претерпят существенную и, главное, принципиальную корректировку и США откажутся от доктрины ядерного сдерживания, несмотря на заявление Обамы о том, что постепенное уничтожение всего ЯО является одной из главных целей его администрации.

В апреле 2009 г. Федерация американских ученых, включающая в себя 68 нобелевских лауреатов, опубликовала доклад, озаглавленный «От противостояния к минимальному сдерживанию»²¹.

В докладе содержится вывод о том, что наиболее актуальным в современных условиях является *минимальное сдерживание*, что обеспечивается наличием у США всего нескольких сотен ядерных боеголовок. К этому же они призывают и Россию. А для военных действий могут использоваться и обычные вооружения. Кроме того, в XXI в. для эффективного ядерного сдерживания США могут выбрать новые цели для своих ракет с ядерными боеголовками. Так как выбирать в качестве целей густонаселенные города неуместно, то мишенями следует сделать только важные объекты инфраструктуры вероятных противников, которыми в докладе называют не только Россию, но и Китай, Северную Корею, Иран и Сирию. Однако в качестве примера авторы доклада приводят именно Россию, определив список из 12 мишеней на ее территории, достаточных для эффективного сдерживания. Список включает три нефтеперерабатывающих завода (Омский, Ангарский и Киришский); шесть важнейших металлургических предприятий (Магнитогорский, Нижнетагильский и Череповецкий металлургические комбинаты, Но-

рильский никель, Братский и Новокузнецкий алюминиевые заводы); три электростанции (Березовская, Среднеуральская и Сургутская ГРЭС). Однако даже в этом случае при уничтожении указанных объектов Россия не только не сможет вести войну, так как ее экономика будет парализована, но и неизбежно погибнет миллион россиян.

Это вполне согласуется с мнением одного из идеологических архитекторов политики Соединенных Штатов последних десятилетий, бывшего советника по национальной безопасности президента США Збигнева Бжезинского, который писал о том, что «в предстоящие годы одной из главных задач американского политического руководства в области безопасности будет оставаться сохранение стабильности взаимного ядерного сдерживания США и России»²².

Россия (СССР)

Работы по овладению ядерной энергией начались в СССР несколько позже, чем в США, – 11 февраля 1943 г., когда «... в целях раскрытия путей овладения энергией деления урана и исследования возможности военного применения энергии урана» была создана Лаборатория №2 Академии наук СССР. И так же как в США, через 6 лет – 29 августа 1949 г. – на Семипалатинском полигоне успешно осуществлен взрыв первой советской ядерной бомбы. Атомная монополия США закончилась всего через четыре года. Таким образом, план Комитета начальников штабов ВС США (план «Пинчер») по ведению ядерной войны против СССР был фактически дезавуирован.

В 1960–1970 гг. в СССР считалось, что любой вооруженный конфликт между ядерными державами в условиях противоборства двух общественно-политических систем и наличия НАТО и Организации Варшавского договора (фактически – в двухполюсном мире) неизбежно приведет к крупномасштабной мировой войне с участием большинства стран мира и, в итоге, к обмену массированными ядерными ударами, нанесение которых явится основным, определяющим способом ведения войны²³. С учетом данной точки зрения в Советском Союзе при развитии систем ядерных вооружений основной акцент делался на обеспечении способности проведения в любых, даже самых тяжелых условиях, массированных противощенностных ударов по объектам военно-экономического потенциала противника и нанесения ему катастрофического (абсолютно неприемлемого) ущерба, при котором государство перестает функционировать как организованная система и обеспечивать минимально необходимые условия для жизни населения. При данном подходе считалось также, что сдерживание глобальной угрозы позволит сдержать и меньшие по масштабам региональные угрозы, поскольку возможность гарантированного уничтожения самого сильного в военном отношении противника (США) обеспечит уничтожение и всех других, более слабых, потенциальных агрессоров. При этом, поскольку Советский Союз, обладавший мощными силами общего назначения, был способен сдерживать и парировать любые региональные военные угрозы и без применения ЯО, то вопрос применения стратегических ядерных сил (СЯС) в региональном конфликте не переводился в практическую плоскость, а фактически единственным предназначением СЯС являлось сдерживание противников от развязывания глобальной ядерной войны.

Что касается России, то в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.» и Военной доктрине РФ отмечается, что:

«...в современных условиях Российская Федерация исходит из необходимости обладать ядерным потенциалом, способным гарантированно обеспечить нанесение заданного ущерба любому агрессору (государству либо коалиции государств) в любых условиях. При этом ядерное оружие, которым оснащены Вооруженные Силы Российской Федерации, рассматривается Российской Федерацией как фактор сдерживания агрессии, обеспечения военной безопасности Российской Федерации и ее союзников, поддержания международной стабильности и мира»²⁴.

В указанной Стратегии говорится и о том, что «развитие мира идет по пути глобализации всех сфер международной жизни, которая отличается высоким динамизмом и взаимозависимостью событий». При этом:

«на обеспечение национальных интересов Российской Федерации негативное влияние будут оказывать вероятные рецидивы односторонних силовых подходов в международных отношениях, противоречия между основными участниками мировой политики, угроза распространения оружия массового уничтожения и его попадания в руки террористов, а также совершенствование форм противоправной деятельности в кибернетической и биологической областях, в сфере высоких технологий. ... Возрастет риск увеличения числа государств – обладателей ядерного оружия. Возможности поддержания глобальной и региональной стабильности существенно сузятся при размещении в Европе элементов глобальной системы противоракетной обороны Соединенных Штатов Америки».

В сфере обеспечения международной безопасности Россия «сохранит приверженность использованию политических, правовых, внешнеэкономических, военных и иных инструментов защиты государственного суверенитета и национальных интересов». Ключевой задачей останется «осуществление стратегического сдерживания в интересах обеспечения военной безопасности страны». При этом одним из путей обеспечения стратегической стабильности в мире является «последовательное продвижение к миру, свободному от ядерного оружия, и создание условий равной безопасности для всех». Россия «придает особое значение достижению новых полноформатных двусторонних договоренностей по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений».

Сегодня, фактически, только *ядерный зонтик* может обеспечить России возможность спокойного проведения и успешного завершения процесса внутреннего реформирования и государства в целом, и ВС, в частности. Помимо этого, ЯО обеспечивает высокий статус нашей страны в международной *табели о рангах*, подкрепляет правомерность ее членства в Совете Безопасности ООН, а также позволяет определять *правила игры* в ядерной сфере. Следовательно, именно статус ядерной державы во многом определяет роль и место России как одной из ведущих стран в мировом сообществе. Таким образом, наличие у России ядерных сил поддерживает ее военную мощь на уровне, необходимом для сдерживания потенциального агрессора, преследующего самые решительные цели, от широкомасштабного нападения, в том числе с применением ЯО. Это позволяет обеспечить защиту государства при значительно меньшем объеме ассигнований на оборону, что в сложившейся в России экономической ситуации является крайне важным. Поэтому ядерное сдерживание остается ключевым элементом обеспечения ее национальной безопасности.

Великобритания

Великобритания – третья в мире ядерная держава, проведшая свои первые ядерные испытания 3 октября 1952 г. Работы по британскому атомному проекту начались в 1940 г. В нем участвовали ученые не только Англии, но также США, Канады и Франции, в том числе в рамках Манхэттенского проекта. Создание атомной бомбы заняло 12 лет и стоило 150 млн ф. ст.

Соединенное Королевство, отдавая приоритет политическим, дипломатическим и экономическим средствам в достижении национальных целей, в военной доктрине четко определяет свое стремление разрешать противоречия в мире с *позиции силы* и сохранять принципы *ядерного устрашения* при сохранении ведущей роли стратегического ядерного сдерживания на глобальном уровне. При этом можно констатировать, что взгляды британского руководства на роль ЯО и условия его применения практически не расходятся с американской позицией.

Военно-политическое руководство Великобритании строго придерживается основных положений коалиционной стратегии – «Новой стратегической концепции НАТО», принятой в апреле 1999 г. В ней указывалось:

«Несмотря на сокращения стратегических ядерных сил, ненацеливание ракет и то, что Россия уже не рассматривается как угроза, НАТО по-прежнему полагается на ядерное оружие как на защиту от неопределенного будущего, гарантию безопасности стран альянса и сдерживание стран, стремящихся к приобретению ядерного оружия. Стратегическое оружие остается краеугольным камнем стратегии сдерживания, а нестратегическое ядерное оружие и обычные вооружения являются дополнительным компонентом сдерживания».

В этом документе практически сохранены основные положения прежней стратегической концепции *ядерного устрашения* – фундамента прежней коалиционной стратегии *гибкого реагирования*.

По заявлению исполнительного директора Британо-американского информационного совета по безопасности (BASIC), Великобритания 23 февраля 2006 г. приняла участие в так называемых *докритических испытаниях ядерного оружия* в США в пустыне Невада в рамках американской программы управления ядерным арсеналом, с помощью которой обеспечивается безопасность и надежность ЯО США. Он также упомянул инвестиции в размере около 1,7 млрд долл. в ядерный центр в английском Олдермастоне, предназначенные для обеспечения безопасности существующего арсенала ядерных ракет *Трайидент*. Тем не менее, указал директор BASIC, дополнительные субсидии могут означать то, что в настоящее время ведется разработка ядерных боеголовок нового типа²⁵.

В конце 2006 г. премьер-министр Великобритании Тони Блэр заявил, что до своего ухода намерен запустить механизм замены и модернизации государственного ядерного арсенала. Ракетные системы *Трайидент*, размещенные на четырех атомных субмаринах класса *Vanguard*, до 2025 г. должны быть полностью обновлены. На эту программу требуется около 25 млрд ф. ст. (46 млрд долл.)²⁶. Британские власти намеревались сократить свои ядерные арсеналы на 20%. Точное же число британских ядерных боезарядов, пока остающихся на боевом дежурстве, значительно снизится и будет насчитывать менее чем 160 единиц²⁷.

В то же время, в феврале 2009 г. министр иностранных дел Великобритании Дэвид Милибэнд призвал ведущие страны мира начать переговоры о ядерном разоружении. Он выразил надежду, что США, Китай, Франция, Великобритания и Россия смогут найти пути для «возможно, полного уничтожения ядерных арсеналов». Кроме этого, Дэвид Милибэнд высказался за ведение более жесткой политики в области нераспространения ЯО, в частности, по отношению к Ирану, а также призвал лидеров ведущих ядерных держав провести встречу по вопросу ядерного разоружения.

Франция

Франция – четвертая страна, ставшая обладателем ЯО и проведшая ядерные испытания 13 февраля 1960 г. в пустыне Сахара с использованием американского оборудования. С момента создания французского комиссариата по атомной энергии (октябрь 1945 г.) до первого ядерного взрыва прошло почти 15 лет.

В «Белой книге по вопросам обороны», вышедшей в свет в 1994 г., говорилось, что основу военной доктрины Франции составляет стратегия *устрашения и сдерживания*, основывающаяся на положении об обязательном наличии в составе ВС страны стратегических ядерных сил и тактического ядерного оружия, которое рассматривалось как средство «последнего предупреждения» вероятного противника о готовности Франции нанести удар стратегическим ядерным оружием. Суть этой стратегии заключалась в том, чтобы «помешать любому потенциальному агрессору посягнуть на жизненные интересы Франции путем создания угрозы, которой он в этом случае подвергнется». И далее говорилось, что «речь идет о нанесении агрессору ущерба, равного по масштабам, как минимум, той выгоде, на которую он рассчитывает». В качестве возможных противников, по объектам которых может быть применено ЯО, стали рассматриваться потенциальные обладатели ЯО, «способные прибегнуть к его применению против Франции»²⁸. При этом французы собирались сделать акцент на миниатюрном ЯО, которое можно использовать при нанесении превентивных точечных ударов по таким целям, как президентский бункер или подземный ядерный завод, сведя к минимуму потери среди мирного населения.

Активно переосмысливать задачи ЯО Франция начала после переизбрания Жака Ширака в 2002 г. Французская доктрина стратегического ядерного сдерживания, также вписывающаяся в коалиционную ядерную стратегию НАТО, предусматривает, что французские боеголовки больше не направлены только на страны, обладающие ЯО. Теперь уда-

ру стратегических сил может подвергнуться любая страна (ядерная или неядерная), которая угрожает национальной безопасности или стратегическим интересам Франции²⁹.

Раньше план стратегического ядерного сдерживания предусматривал использование оружия массового поражения только в качестве крайней меры – как ответный удар. При этом объектом поражения французских атомных бомб могло стать мирное население враждебной державы. Теперь французы, судя по всему, оставляют за собой право не только на ответный удар против страны, откуда исходит террористическая угроза. Париж готов и к превентивным бомбардировкам (причем точечным) мест производства ОМУ и баз террористов. Кроме того, отныне французская доктрина ядерного сдерживания ориентирована и против Китая.

Франция в современных условиях рассматривает ядерные силы не только в качестве инструмента сдерживания противника, ядерный потенциал которого превосходит французский, но и как средство устрашения потенциальных обладателей ОМУ, способных прибегнуть к его использованию против Франции³⁰. Оценивая перспективы развития военно-стратегической ситуации в мире в ближайшие 10–15 лет, французское руководство неизменно считает, что в обозримом будущем национальная самостоятельность государства будет связана с обладанием ЯО, хотя условия могут существенно меняться и, помимо ядерного устрашения, особую значимость приобретает развитие и совершенствование потенциала обычных средств поражения.

В октябре 2003 г. президент Жак Ширак заявил, что «...в соответствии с новой доктриной ядерное оружие Франции превратится в активную угрозу для ее врагов». По сути, Франция, оставляя за собой право на ядерный удар в ответ на применение ОМУ, стала допускать возможность нанесения ядерных ударов по объектам военно-политического управления, экономическим объектам, местам производства ОМУ стран, от которых исходит (или даже только может исходить) угроза применения ОМУ. В этом Франция следует американской стратегической модели в части допустимости превентивного применения ЯО против государств, обладающих или даже только подозреваемых в обладании ОМУ. Такого беспрецедентного снижения *ядерного порога* не отмечалось еще ни у одного ядерного государства.

Небезынтересно и мнение крупного французского специалиста в области военной стратегии и геополитики генерала Пьера Галлуа³¹. Он полагает, что чем больше будет стран, обладающих ЯО, тем крепче мир во всем мире. Поэтому России ни в коем случае нельзя уничтожать ядерное и стратегическое оружие, а следует его сохранять и наращивать. В этом залог ее национальной безопасности. При этом американскую гегемонию в Азии и на Дальнем Востоке может остановить только мощная система национальной безопасности крупных азиатских держав с опорой на ЯО.

Китай

Китайская Народная Республика замыкает список *де-юре* ядерных государств.

Военно-политическое руководство Китая с первых лет становления КНР исходило из того, что страна должна обладать ВС с современным оружием, включая ядерное³². Первая ядерная программа Китая, принятая в 1951 г., имела чисто мирную направленность, но уже в середине 1950-х гг. она была дополнена секретным разделом с прицелом на создание собственного ЯО и его носителей. Решение о производстве атомной бомбы было принято Мао Цзедуну 15 января 1955 г. в ответ на американские угрозы применить ЯО против Китая. Первая китайская атомная бомба испытана через 13 лет – 16 октября 1964 г.

В соответствии с национальными традициями, китайское руководство, взяв курс на создание ЯО, одновременно в официальных взглядах на ядерную политику всячески умаляло роль ЯО. В то же время убежденность военно-политического руководства Китая в необходимости обладания ЯО не только не подвергалась сомнению, но и укреплялась.

Сразу после испытаний первого ядерного устройства 16 октября 1964 г. Китай заявил об отказе от применения ЯО первым. Китай пошел по пути преимущественного производства

термоядерных ядерных боеприпасов и создания баллистических ракет наземного базирования и авиационных авиабомб. В настоящее время КНР имеет как стратегическое, так и нестратегическое ЯО. СЯС Китая включают стратегические ракетные войска (СРВ), стратегическую авиацию (СА) и атомный ракетный флот. На 1 января 2007 г. общее количество средств доставки ядерного оружия стратегического назначения составило 244 единицы.

Ядерная политика Китая направлена на обеспечение осуществления национальной стратегии развития. Основные задачи нынешней ядерной стратегии Китая можно сформулировать следующим образом³³:

- поддержание статуса великой державы;
- предотвращение любых форм воздействия других ядерных держав на политику и экономику Китая посредством ядерного устрашения;
- поддержание превосходства над странами-соперницами КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Роль ЯО в структуре национальной безопасности выражается главным образом в концепции *ограниченного ответного ядерного удара*, предусматривающей строительство ограниченных по боевому составу ядерных сил сдерживания, способных посредством создания угрозы нанесения вероятному противнику значительного ущерба заставить его отказаться от применения ЯО против Китая. Эта концепция не предполагает достижения ядерного паритета по отношению к США и РФ. Таким образом, можно говорить о том, что китайская ядерная доктрина стала дифференциальной: на стратегическом уровне она продолжает опираться на *минимальное сдерживание*, а на региональном уровне базируется на *ограниченном сдерживании*.

Индия

Индия – шестая страна, получившая ЯО в 1974 г. и затратившая на это 26 лет.

Стратегические концепции Индии в современных условиях основываются на осуществлении надежного *минимального ядерного сдерживания* и способности к адекватному возмездию, если сдерживание окажется неэффективным. В январе 2003 г. правительство Индии объявило о создании стратегического ядерного командования, что призвано упорядочить и формализовать порядок принятия решений об использовании Индией ЯО. Одновременно была одобрена новая ядерная доктрина, положения которой могут быть сведены к следующему³⁴:

- Индия намерена создавать и развивать потенциал минимально разумного сдерживания;
- Индия провозглашает принцип неприменения ЯО первой – оно может быть применено только в качестве ответа на ядерное нападение на территорию страны или индийские ВС где бы то ни было;
- ответный ядерный удар, который может быть нанесен только с санкции гражданского политического руководства страны, будет массированным, с расчетом нанести непоправимый ущерб;
- ЯО не может быть применено против неядерного государства;
- в случае ширококомасштабного военного нападения на Индию или индийские ВС где бы то ни было с применением химического или биологического оружия Индия оставляет за собой право ответа ядерным ударом.

Президент Индии Абдул Калам, выступая на встрече со студентами МГУ в Москве 23 мая 2005 г., сказал: «Многие страны обладают большими запасами ядерного оружия, прежде всего Россия и США. Они должны двигаться к полному отказу от ядерного оружия, тогда и маленькие страны уничтожат свои ядерные запасы». При этом он подчеркнул, что ядерная доктрина Индии предполагает принцип полного разоружения и отказ

от применения ЯО первыми³⁵. А в феврале 2009 г. советник премьер-министра Индии по национальной безопасности Майанкоте Келат Нараянан, выступая на 45-й Мюнхенской конференции по безопасности, заявил, что Индия всегда была против ядерных вооружений и по-прежнему поддерживает ядерное разоружение, «являясь единственным государством, которое готово вести переговоры о полном уничтожении ядерных арсеналов»³⁶.

Однако 26 июля 2009 г. была спущена на воду первая индийская атомная подводная лодка *Арихант (Истребитель врагов)*, что предвещает существенные перемены в мировом балансе стратегических сил³⁷. По предварительной информации, *Арихант* будет вооружен 12 баллистическими ракетами, способными нести ядерные боеголовки на расстояние до 700 км. Со временем лодка может быть оснащена ракетами с дальностью до 3,5 тыс. км.

«Мы вошли в список избранных государств, способных строить атомные подлодки», – заявил на торжественной церемонии премьер-министр Индии Манмохан Сингх. За несколько дней до этого госсекретарь США Хиллари Клинтон подписала с главой индийского МИД Соманахалли Маллайя Кришной совместное заявление о дальнейшем развитии двустороннего стратегического партнерства. Подтвердив, что «у Индии и США общие взгляды на мир, свободный от ядерного оружия», Хиллари Клинтон и Соманахалли Маллайя Кришна «согласились продвигаться вперед в рамках Конференции по разоружению к недискриминационному, подлежащему международным и эффективным проверкам договору по прекращению производства расщепляющихся материалов».

Таким образом, американо-индийское сотрудничество в атомной сфере активно развивается, несмотря на то, что Индия так и не подписала ДНЯО. Кроме того, Индия и США начали консультации по реализации американо-индийского соглашения о партнерстве в сфере гражданской атомной энергетики, подписанного в марте 2006 г. Документ предусматривает разделение индийских гражданских и военных атомных программ с передачей мирных разработок и 35 гражданских ядерных объектов страны под контроль Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). Взамен США обязались предоставлять Индии технологии создания реакторов и ядерное топливо для ее гражданских программ.

Пакистан

Начав свою ядерную программу в 1965 г., Пакистан вышел на первые ядерные испытания через треть века – 28 мая 1998 г.

В Пакистане отсутствует ядерная доктрина в виде официального документа, однако на практике пакистанское руководство придерживается следующих ключевых принципов³⁸:

- минимальное убедительное ядерное сдерживание, сконцентрированное на Индии;
- принцип массивного возмездия;
- политика применения ЯО первым;
- эквивалентное нацеливание ЯО;
- децентрализованная структура ядерного командования и управления (контроля).

О ядерной политике Пакистана можно также судить по высказываниям и интервью официальных лиц, включая президента страны, и высокопоставленных пакистанских военных. Опираясь, в отличие от Индии, на принцип применения ЯО первым, Исламабад сформулировал четыре основных фактора, при которых Пакистан применит ЯО против Индии:

- конвенциональное или ядерное нападение Индии на Пакистан и захват ею большей части территории Пакистана (пространственный порог);

- уничтожение Индией большей части наземных или воздушных сил Пакистана (военный порог);
- нанесение Индией значительного экономического ущерба Пакистану или экономическая блокада, устроенная Индией Пакистану (экономическое удушение);
- осуществление Индией политической дестабилизации или крупной диверсии внутри страны (внутренняя дестабилизация).

Согласно официальной позиции Пакистана, главная функция его ядерного арсенала заключается в том, чтобы не дать Индии возможность каким-либо образом взять верх над страной. Вторая цель политики Пакистана в области ядерных вооружений состоит в том, чтобы сдерживать превосходство Индии в нападении на ВС Пакистана с применением конвенционального оружия.

Бывший президент Пакистана Первез Мушарраф в своем заявлении в декабре 2002 г. сказал, что войны с Индией удалось избежать благодаря его постоянным предупреждениям, что в случае, если индийские ВС пересекут международно-признанную границу между Индией и Пакистаном в Кашмире или пакистанском Пенджабе, то Пакистан не ограничится в своем ответе только ведением военных действий с использованием обычных вооружений. Несмотря на тот факт, что в 2002 г. новой индо-пакистанской войны удалось избежать лишь с трудом, сразу после разрядки напряженности в индийско-пакистанских отношениях в 2003 г. пакистанские военные планировщики, похоже, еще больше уверились в своей способности управлять рисками стратегического сдерживания. Тем самым фактически сформировалась двусторонняя индо-пакистанская модель регионального ядерного сдерживания, ограждающая эти страны от прямых военных конфликтов. Поэтому Пакистан, вероятно, продолжит свою политику использования гибкой и неопределенной ядерной доктрины по использованию ЯО.

Таким образом, в настоящее время все официальные ядерные державы, хотя и поддерживают тенденцию к некоторому количественному сокращению своих ядерных арсеналов, не собираются в обозримые сроки полностью отказаться от ЯО.

БЕЗЪЯДЕРНЫЙ МИР: УТОПИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Первые попытки исключить ЯО из списка средств вооруженной борьбы предпринимались практически сразу же после его появления. В январе 1946 г. была создана Комиссия ООН по атомной энергии, в компетенцию которой входила подготовка предложений «относительно исключения из национальных вооружений атомного оружия и всех других основных видов вооружения, пригодных для массового уничтожения»³⁹. 19 марта 1946 г. советское правительство уже на втором заседании Комиссии ООН внесло проект Конвенции о запрещении ядерного оружия, включающей положения о «запрещении производства и применения ядерного оружия» и «уничтожения в трехмесячный срок всех запасов готовой и незаконченной продукции атомного оружия».

Однако эти усилия успехом не увенчались, и Комиссия ООН по атомной энергии прекратила свою работу после проведения в СССР первого ядерного взрыва 29 августа 1949 г. На смену ей в 1952 г. была образована совещательная Комиссия ООН по разоружению, в рамках работы которой Советский Союз предложил проект международной Конвенции о запрещении атомного, водородного и другого оружия массового уничтожения, а Англия и Франция совместно вынесли меморандум, предусматривающий «полное запрещение ядерного оружия и изъятие его из вооружений». В 1955 г. СССР выступил с уточненной программой разоружения, предусматривающей заключение Международной конвенции о сокращении вооружений и запрещении ядерного оружия. Кульминацией же советских инициатив стало выступление Н.С. Хрущева 18 сентября 1959 г. на XVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН с предложениями о всеобщем и полном разоружении всех государств, предполагавшем за четыре года провести три последовательных этапа разоружения:

- Существенное сокращение обычных ВС и вооружений под международным контролем.
- Ликвидация оставшихся ВС и военных баз на чужих территориях.
- Уничтожение всех видов ядерного и ракетного вооружения, завершающие мероприятия по всеобщему и полному разоружению⁴⁰.

Формальной основой для сегодняшних разговоров о безъядерном мире является VI статья ДНЯО (открытого для подписания в 1968 г. и вступившего в силу в 5 марта 1970 г.), которая гласит:

«Каждый Участник настоящего Договора обязуется в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем».

Но поскольку до всеобщего и полного разоружения дело так и не дошло, а СССР стал стремительно догонять США по своему ядерному потенциалу, то почти на четыре десятилетия процесс ядерного разоружения и сокращения стратегических наступательных вооружений стал фактически делом только двух стран – США и России (Советского Союза). Черета двусторонних соглашений как бы приучила весь мир к тому, что именно эти две страны *отвечают* за ядерное разоружение. Этот процесс начался 26 мая 1972 г. с первого советско-американского Временного соглашения между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (Договор ОСВ-1), заключенного Л.И. Брежневым и Ричардом Никсоном в Москве одновременно с Договором по ПРО. Затем были Договор между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений (Договор ОСВ-2) в 1979 г., *классический* Договор СНВ-1 в 1991 г. и московский Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов 2002 г. В целом за этот период стратегические ядерные арсеналы России и США снизились почти в пять раз.

Россия и США гонку ядерных вооружений прекратили, постоянно ведут переговоры по ядерному разоружению, выработали правила взаимного контроля. При этом в обществе уже давно сложилось мнение о том, что именно *прорывы* по этому вопросу определяют не только перспективы российско-американских отношений в целом, но и перспективы дальнейшего хода процесса ядерного разоружения.

Другие *де-юре* ядерные державы – участники ДНЯО никакого стремления законодательно ограничить свои ядерные арсеналы пока не высказали. При этом, например, Китай в 1995 г. заявил, что «те державы, чье ядерное и обычное оружие превосходит всех ..., несут особую ответственность за контроль над вооружениями и разоружение». В то же время идея безъядерного мира, зародившаяся вначале в умах наиболее передовых интеллектуальных и политических лидеров в середине XX в., постепенно прорастает и в веке нынешнем.

Еще в феврале 1983 г. А.Д. Сахаров в открытом письме Сиднею Дреллу писал⁴¹:

«Ядерная война может возникнуть из обычной, а обычная война, как известно, возникает из политики. ... Ядерную войну невозможно выиграть. Необходимо планомерно – хотя и осторожно – стремиться к полному ядерному разоружению на основе стратегического равновесия обычных вооружений. Пока в мире существует ядерное оружие, необходимо такое стратегическое равновесие ядерных сил, при котором ни одна из сторон не может решиться на ограниченную или региональную ядерную войну. Подлинная безопасность возможна лишь на основе стабилизации международных отношений, отказа от политики экспансии, укрепления международного доверия, открытости и плюрализации социалистических обществ, соблюдения прав человека во всем мире, сближения – конвергенции – социалистической и капиталистической систем, общемировой согласованной работы по решению глобальных проблем».

Из этого абсолютно справедливого и в наши дни тезиса (за исключением отсутствующей сегодня мировой социалистической системы) следует, что полное ядерное разоружение возможно лишь при отказе от политики экспансии и стратегического равновесия обычных вооружений. Но выполняются ли сегодня эти требования? При этом следует

заметить, что тезис о всеобщем и полном разоружении куда-то потихоньку исчез из разоруженческого и нераспространенческого дискурса.

В основу практически всех современных западных моделей полного ядерного разоружения положены, как правило, идеи, высказанные Рональдом Рейганом в 1980-х гг.⁴²:

- Понимание того, что национальная безопасность не должна зависеть от ЯО.
- Осознание необходимости перехода от системы ограничения вооружений к ядерному разоружению.
- Взгляд на систему ПРО как на ключ ликвидации ЯО.
- Фактический отказ от доктрины затяжной ядерной войны, существовавшей в 1970-х гг.

Идеи неплохие. Допустим, они воплотились в жизнь. Однако методы, а следовательно, и последствия такого воплощения могут быть различны. Они зависят от тех целей, которые реально ставят перед собой разоружающиеся стороны. При этом реализация указанных идей невозможна без ответа на ряд вопросов. От каких международных механизмов должна зависеть национальная безопасность? Но сегодня такие практически не работают или работают достаточно избирательно. А самым надежным инструментом все-таки остается военная сила.

Какими реальными возможностями обладает система ПРО? Ведь она может работать против средств доставки не только ядерного, но и обычного оружия, а также является вполне эффективным средством борьбы с космическими ракетами, обеспечивая, в том числе, и несомненные коммерческие преимущества обладателю такой системы. А в современном обществе тот, кто будет владеть космосом, будет владеть миром.

К чему приведет отказ от затяжной ядерной войны? К отказу от войн вообще или к ограниченной ядерной войне, к молниеносным обезоруживающим ядерным ударам при поддержке высокоточного обычного оружия и под зонтиком ПРО? И все это в едином информационно-управляющем пространстве, обеспеченном космическими спутниковыми системами?

О том, что подобные последствия ядерного разоружения вполне реальны, говорит ситуация в современном мире, в котором едва ли найдется день без войн и вооруженных конфликтов. Сегодня основные угрозы миру связаны с обычными, конвенциональными вооружениями. Именно с их использованием ведутся войны в современном мире, и их гонка, их стремительное наращивание изменяют региональные и глобальный балансы сил.

На что же направлены предложения о полном ядерном разоружении? Действительно ли происходит реальный процесс отказа от ЯО в принципе или это всего лишь своеобразная попытка развязать взамен гонки ядерных вооружений гонку ядерного разоружения? А тогда каковы могут быть цели и результаты подобной гонки и кому она выгодна?

Ведь разоружаться должны страны, обладающие и ЯО, и полным ядерным топливным циклом. Причем, кроме моральных стимулов, такое разоружение ничем не подкрепляется. А отказаться от создания ЯО и производства ядерных материалов должны страны, ими не обладающие. При этом делаются попытки – когда успешные, когда не очень – подобный отказ материально стимулировать. Хотя примеров явного отказа от ЯО, и при этом без явных внешних материальных поощрений, мы имеем всего два: это Швеция (в 1968 г.) и ЮАР (в 1991 г.). Но произошли они по сугубо внутренним причинам.

Когда идея ядерного нуля, возникшая более полувека назад, практически одновременно с созданием ЯО, стала обретать реальное воплощение? Только в момент, когда ему на смену пришло новое эффективное высокоточное оружие, способное решать задачи региональных конфликтов. Конечно, кадры репортажа CNN, на которых умная высокоточная неядерная крылатая ракета влетает в окно бункера диктатора, гораздо более гуманны, чем фотографии Хиросимы и Нагасаки, разрушенных атомной бомбой. Хотя, по своей сути, переход от ядерной кувалды к конвенциональному скальпелю не имеет большого смысла. Таким образом, цели и задачи те же, только способы их достижения различны.

Но именно тот факт, что государство, осуществившее такой переход в сфере инструментов военной силы, но во многом сохраняющее старые подходы в сфере целеполагания, предлагает ускорить движение к безъядерному миру, заставляет задуматься об истинных целях и возможных результатах предлагаемого ядерного разоружения. И с этой точки зрения сегодняшняя активизация разговоров о полном ядерном разоружении выглядит вполне однозначно. Ведь, как писал министр обороны США Роберт Гейтс в своей статье в журнале *Foreign Affairs* в начале 2009 г., «цель нашей стратегии ... поддержание ныне существующего превосходства в традиционных и стратегических вооружениях и технологиях над вооруженными силами других стран»⁴³.

Сегодня мир стоит на пороге новой эпохи, в которой единственная военная сверхдержава будет обладать гарантированной безнаказанностью, т.е. возможностью обезоруживающего удара (с приемлемыми экологическими последствиями) по любому потенциальному противнику, включая РФ. Пока о такой возможности (именно как гарантированной) говорить не приходится, но шансы на успех гипотетического ответно-встречного удара планомерно и расчетливо сокращаются до минимальных значений. В том числе – посредством международно-правовых механизмов. Поэтому инициатива Барака Обамы по ядерному разоружению фактически позволяет вывести на качественно новый уровень эту глобальную военную гегемонию⁴⁴.

Для того же, чтобы понять, возможен ли вообще переход к полному и всеобщему ядерному разоружению, необходимо ясно представлять, куда идет, какими путями будет развиваться существующий сегодня мир. И какими способами будет обеспечиваться его безопасность.

СЦЕНАРИИ XXI В.

Динамика мировых процессов определяется текущей обстановкой и неразрывно связана с тем, как лица, принимающие политические решения, воспринимают военную силу, какие роль и место они отводят ЯО в деле достижения целей государственного развития. А такое восприятие зависит от множества факторов: геополитической ситуации, соотношения военной мощи государств, экономических и научно-технических возможностей и, не в последнюю очередь, личностей самих руководителей.

Сегодня, в результате крушения сначала биполярного, а затем и однополярного мира сложилась ситуация, при которой каждая пешка на *шахматной доске* геополитики желает пройти в ферзи. Тем более те, кто вкусил сладость участия в *большой игре*. Тем более, если это была *большая ядерная игра*, одна лишь заявка на участие в которой сразу выводит игрока в круг избранных. Ведь мгновенный переход из категории *изгоя* в категорию равноправного партнера в ядерном диалоге не только льстит самолюбию политического лидера и поднимает любую нацию в ее собственных глазах и в глазах мирового сообщества, но и может принести реальные экономические выгоды.

Долгое время футуристические прогнозы были делом лишь писателей-фантастов и астрологов. Несмотря на то, что некоторые прогнозы сбывались с достаточно высокой точностью, основывать стратегическое планирование на них нельзя, поскольку прямая экстраполяция существующих тенденций на длительную перспективу неизбежно приводит к значительным погрешностям. История дала нам массу примеров негативных последствий подобных схоластических прогнозов.

Каждое современное государство, а тем более мировое сообщество в целом, представляет собой сложную систему, описываемую бесконечным числом параметров и имеющую бесконечное множество степеней свободы. Однако в такой очень популярной и быстро развивающейся сегодня науке, как синергетика, вполне строго доказано, что существует конечный набор *параметров порядка*, определяющих поведение подобных объектов на больших временных интервалах. При этом различаются так называемые *медленные* и *быстрые* переменные, и почти всегда можно дать *слабый прогноз*, т.е. ответить на вопрос, чего не произойдет в данной системе⁴⁵.

При прогнозировании будущего возникает множество проблем, без решения которых дать научно обоснованный прогноз невозможно. Одной из таких проблем является так называемый *парадокс планировщика*. Его суть состоит в том, что решение, которое является наилучшим на перспективу в 5–7 лет, может привести к далеко не лучшим последствиям через 10–20 лет и даже оказаться губительным через 40–60 лет. Глубина и содержание любых прогнозов определяются их временным горизонтом: краткосрочные – до 1 года, среднесрочные – до 5 лет, долгосрочные – до 10 лет, перспективные – десятки лет. При военно-политическом прогнозировании обычно рассматривают 10–15-летний период, на котором должны реализовываться конкретные стратегии деятельности государства и его отдельных организационных структур. Это связано с тем, что только на данный период возможна достаточно точная оценка ресурсной базы, необходимой для достижения стратегической цели, а также экстраполяция тенденций, как уже проявившихся, так и только зарождающихся к началу прогнозного периода. При этом традиционные для развитых государств мира электоральные циклы также вписываются в указанные временные рамки, что дает возможность достаточно уверенно говорить о политических и идеологических взглядах и предпочтениях лиц, которые будут реально принимать стратегические решения. А поскольку решения в ядерной сфере являются историческими в самом прямом смысле этого слова, горизонт прогнозирования чрезвычайно важен и должен составлять не менее полувека.

Необходимо также учитывать, что огромное влияние как на жизнь отдельного человека, так и на жизнь целых народов и государств оказывают решения, принимаемые в короткие, исторически ничтожные отрезки времени – дни, недели, месяцы. При этом подобные решения могут приниматься в условиях дефицита времени, неполноты информации, психологического стресса, в том числе и некомпетентными или случайными людьми. Однако история представляет собой непрерывный необратимый процесс, и многие вопросы нельзя *отложить на завтра*. Другой принципиальной проблемой является невозможность натурального эксперимента по проверке правильности принимаемых решений, а также отсутствие адекватных математических моделей и полной информации для проведения эксперимента компьютерного.

Следовательно, как бы парадоксально это ни прозвучало, слишком сильно опираться на формальные методы перспективного прогнозирования в ядерной сфере вряд ли целесообразно. В подобных прогнозах слишком сильна рефлексивная составляющая, слишком откровенно проявляются субъективные интересы и предпочтения. В то же время, прогнозы необходимы для того, чтобы тем или иным образом закладываться в конкретные программы развития государства, в политические и военные стратегии и доктрины. Таким образом, остается ориентироваться на чисто политологические вербальные прогнозы. Хотя, конечно, они нередко подвержены политической конъюнктуре и выдают желаемое за действительное.

Какая же картина вырисовывается при взгляде из сегодняшнего дня на XXI в.? Какие модели будущего мы имеем? Каковы роль и место России в этом будущем? Как ни странно, несмотря на все разговоры о необходимости полного ядерного разоружения, о поиске новых действенных механизмов обеспечения международной безопасности, практически все прогнозы предрекают человечеству войны и конфликты, в том числе – ядерные.

Созданное в 1997 г. неоконсервативное движение «Проект за новый американский век» заявляет, что лидерство США на мировой арене благоприятным образом скажется как на самих Соединенных Штатах, так и во всем остальном мире и что «такое лидерство требует военной мощи, дипломатической прозорливости и моральных обязательств». Когда дипломатия и санкции уже не могут справиться с ситуацией, США должны быть готовы к военным действиям. Увеличение военных расходов и развитие военных технологий являются прямой обязанностью США после окончания холодной войны. Проект призывает к созданию «специальной, глобальной армии США», которая была бы способна «воевать и решительно выигрывать на нескольких основных театрах военных действий одновременно», а также «выполнять *полицейские* обязанности, связанные с обеспечением безопасности в ключевых регионах»⁴⁶. О том, как участники движения, занимавшие ведущие посты в администрации Джорджа Буша-младшего (представитель США в ООН

Джон Болтон, вице-президент США Дик Чейни, посол США в Ираке Залмай Халилзад, министр обороны Дональд Рамсфельд, президент Мирового банка и автор *доктрины Буша* Пол Вулфовиц), реализовывали его положения, хорошо известно.

В декабре 2003 г. на интернет-сайте Национального совета по разведке США общественности были представлены материалы исследования, посвященного тенденциям развития современного мира – «Global Trends 2020»⁴⁷. Основным стал тезис о продолжении в ближайшей перспективе глобального доминирования США, хотя возможно и усиление влияния Китая при уменьшении стратегической важности Европы в вопросах мировой безопасности. Ключевые решения по применению военной силы США и их союзниками, как и прежде, будут приниматься единолично, без оглядки на мировое сообщество. Хотя к 2020 г. возврат к военной и идеологической конфронтации России с Западом уже невозможен, ее отношения с окружающим миром будут двойственными и противоречивыми. Россия останется главной державой Евразии. Возможна некая форма федерации, даже союз с Белоруссией. Основной проблемой российского руководства будет проблема примирения региональной по масштабам экономики с глобальными политическими амбициями *быть великой державой*. В политико-экономическом плане Россия к 2020 г. будет представлять нечто подобное тому, что уже наблюдается и сейчас, а ее экономика останется по мировым стандартам средней. Стержневым элементом российского военного планирования останется возможность использования СЯС, места хранения которых к тому времени, возможно, будут охраняться совместными усилиями России и США, что не позволит поддержать статус России как *великой державы*. Внешнеполитический курс России все больше будет проводиться в соответствии с таковым в США и ЕС.

В другом аналитическом исследовании «Стратегические парадигмы 2025: планирование безопасности США для новой эры»⁴⁸ вашигтонского Института анализа международной политики (ИАМП) говорится о том, что будущее России непосредственно влияет на будущее Европейского Союза и на судьбу блока НАТО. Однако будущее самой России намного менее предсказуемо, чем будущее любого другого государства или региона. По прогнозу ИАМП можно представить три варианта будущего России:

- ❑ Авторитарная Россия будет проводить конфронтационную и крайне активную политику вблизи собственных границ, в Европе и Средней Азии. Экономика России будет действовать неэффективно, иностранные инвестиции будут крайне ограничены. Реальная власть в стране будет принадлежать силам безопасности. Основной стратегии безопасности будет опора на ядерные силы.
- ❑ Демократическая Россия с рыночной экономикой будет активным и полноценным партнером Запада. Россия примет активное участие в процессе глобализации, будет сотрудничать с НАТО и совместно проводить миротворческие операции. Ее политика в области обеспечения национальной безопасности будет в минимальной степени зависеть от концепции внешних угроз.
- ❑ Компромиссный средний вариант. Россия останется весьма сложным и непоследовательным партнером в области международных отношений. Россия смирится с первым этапом расширения НАТО, но будет яростно протестовать против дальнейшего расширения этого блока. Концепция национальной безопасности будет в небольшой степени опираться на ядерный арсенал. Россия будет играть активную роль в противодействии действиям Запада, однако ее возможности в таком противостоянии будут серьезно ограничены.

Весной 2009 г. НАТО представило общественности обширный доклад-стратегию по сценариям развития будущей политической ситуации в мире – «Multiple Futures Project. Navigating Towards 2030»⁴⁹. В нем НАТО позиционирует себя как единственный военный альянс, ответственный за сдерживание конфликтов на планете. Отмечается, что приоритетом альянса является сдерживание гонки ядерных вооружений. Но в то же время говорится о вероятной ядерной атаке на крупные города Европы и крупные транспортные европейские узлы. При этом отмечается, что одиночного ядерного удара для нанесения существенного ущерба Европе будет недостаточно. Страна альянса, подвергшаяся ядерной атаке, обязательно нанесет ответный удар, а также прибегнет к статье V Вашингтон-

ского Договора, так как ей не хватит мощности своих вооруженных сил для возмездия. Поэтому в стратегии заявлено, что альянс должен иметь достаточное количество обычных и ядерных вооружений, чтобы быть в состоянии ответить на неожиданные атаки.

Испанский политолог и экономист Жозеп Коломер⁵⁰ полагает, что, поскольку вестфальская модель *нации-государства* не универсальна, основными элементами мировой политики будущего станут два типа потенциально жизнеспособных территориально-политических общностей: крупные империи (Америка, Китай, Европа, Россия и Япония) и малые нации (несколько сотен), живущие в их *орбитах*. В то же время В.Т. Третьяков⁵¹ считает, что «выживание и дальнейшее процветание евроатлантической (христианской) цивилизации возможно лишь при переходе от постоянной конкуренции и даже конфронтации (вплоть до военной) между этими субъектами к их искреннему и равноправному союзнчеству». В результате такого союзнчества должен быть создан Общеευропейский союз (или Союз Евросоюзов – Евросоюза и Российского союза), США должны уйти из Европы как политическая и военная сила и заключить с Общеевропейским союзом тройственный военно-политический оборонительный договор, «предполагающий абсолютную внутреннюю политическую суверенность каждого из участников». При этом на создание подобного союза история нам отпустила не более 15–20 лет.

Сохранение современной системы международных отношений с превалированием государственных акторов не является единственным возможным вариантом развития событий в начавшемся столетии.

По мнению исследователя Алекса Бэтлера⁵², складывающаяся «многополярная структура международных отношений с множеством центров сил является самой неустойчивой системой. Это мир хаоса, борьбы всех против всех. Он приводит к учащению региональных конфликтов, включая и военные. С точки зрения международной стабильности это наихудший вариант структуры международной системы». Он отмечает, что многополярный мир исторически быстро перейдет в биполярный с двумя центрами силы (предположительно, США и Китаем), а затем в однополярный – «на Земле возникнет единое всемирное хозяйство». Государства как мировые акторы не окончательно сойдут с мировой арены, но свое классическое значение к концу XXI в. потеряют. Сформируется мировое правительство.

О том, что это не просто один из альтернативных вариантов будущего облика мира, свидетельствуют итоги первого саммита в рамках экономического и стратегического диалога между США и Китаем. На открытии форума президент США Барак Обама объявил американско-китайские отношения «определяющими для XXI века» и предложил Пекину начать сотрудничество в глобальном масштабе и координировать действия двух стран в вопросах экономики, безопасности, внешней политики и энергетики. «Отношения между США и Китаем определяют XXI век. Это ответственность, которую нам предстоит нести совместно», – провозгласил Барак Обама. Он заявил также о готовности усилить сотрудничество между армиями двух стран, наладить обмен данными и координировать внешнюю политику в различных регионах мира, например, в Африке. При этом США не будут пытаться распространять свои ценности на Китай⁵³.

И ведь что интересно – обладающие стратегическим ЯО США и Китай не объявляли об отказе от политики ядерного сдерживания во взаимных отношениях и не подписывали соответствующих соглашений. Однако оказалось, что ядерное сдерживание не мешает ни стратегическому партнерству, ни экономическому сотрудничеству, когда в них заинтересованы обе стороны. А сегодня из более 2 трлн долл. своих международных резервов КНР держит 801,5 млрд долл. в казначейских облигациях США и еще около 700 млрд долл. – в других американских ценных бумагах. Действительно, верным оказался тезис: «Если ты должен банку 100 долл. – это твои проблемы, а если должен 100 млн – то это уже проблемы банка».

Наиболее неблагоприятным сценарием развития военно-политической обстановки в XXI в. является продолжение и возможное усиление сегодняшних негативных тенденций силового решения противоречий и конфликтов. В качестве подобного сценария можно рассматривать тот, которым летом 2009 г. зачитывался весь мир. Он опубликован в новой книге Джорджа Фридмана⁵⁴ – популярного американского политического комментатора и осно-

вателя компании *Stratfor*, занимающейся разведкой с использованием только открытых источников. Автор, не претендуя на стопроцентную точность своего прогноза и призывая при этом не воспринимать его и как слишком фантастический, заглянул на целый век вперед и нарисовал достаточно радужную картину американской гегемонии в грядущем веке, основанную на силовом доминировании США, остающихся единственным мировым полюсом силы, контролирующим напрямую Атлантический и Тихий океаны.

Согласно Джорджу Фридману, в период до 2020 г. Россия превратится в крупного регионального игрока, основной задачей которого будет восстановление силы и влияния в Восточной Европе и на постсоветском пространстве. Это может привести к ее конфронтации с Германией, поэтому Россия бросит значительные силы на увеличение своего военного потенциала, а также попытается восстановить систему внутренних буферов (подобную той, которая существовала при Советском Союзе в виде союзных республик), затем станет стремиться к увеличению количества буферных государств и продвигаться за пределы бывшего СССР. Одновременно Москва приложит усилия, чтобы остановить формирование коалиций у своих границ, вступая в глобальное противостояние с Америкой в различных частях света, которое достигнет пика к 2020 г. Однако, *надорвавшись* в этом противостоянии, в начале третьего десятилетия XXI в. Россия распадется, подобно тому, как распались Российская империя и Советский Союз.

После распада России Турция, новый лидер исламского мира, объединивший в коалицию исламские страны, превратится во влиятельнейшую региональную державу и сможет проводить экспансионистскую политику не только на Кавказе, а затем и на Аравийском полуострове, но и на Балканах. Конкурентами ей будут Египет и Иран. Неспособный к объединению исламский мир воспримет доминирование Турции. Однако еще более верным союзником Америки окажется коалиция восточноевропейских государств во главе с Польшей. Главной целью такого альянса станет продвижение на восток. Вполне реальной станет оккупация Санкт-Петербурга эстонцами, Киева – венграми, а Минска – поляками. К началу 2040-х гг. постепенно усилятся противоречия между Соединенными Штатами, с одной стороны, и союзом Турции и Японии, с другой. Китай и Япония будут все активнее противостоять доминированию США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, страны Восточной Европы продолжат борьбу за сферы влияния, Евросоюз начнет испытывать трудности из-за вовлечения в свой состав большого числа стран с разным уровнем развития экономики и увеличения числа разных этноконфессиональных общин, Мексика будет способствовать размыванию границ между государствами Северной Америки. Наличие этих проблемных зон, несомненно, приведет к конфликтам.

Мировая война начнется в середине XXI в. после конфликта поляков и турок из-за Балкан. Цель США сведется к недопущению развития региональных лидеров Евразии и объединения их в единое государство-гегемон. Япония будет стремиться закрепить свое господство в северо-западном регионе Тихого океана, Турция – стабилизировать свой регион. При этом война будет беспрецедентной по методам ведения. Фактором, определяющим победу в войне XXI в., станет точность. Особая ставка будет сделана на беспилотные сверхзвуковые боевые самолеты при поддержке ракетным оружием из космоса. Война примет затяжной характер, однако ускорение темпов производства вооружений в Соединенных Штатах позволит им к середине 2052 г. добиться серьезных успехов и одержать победу. Позиции Соединенных Штатов как ведущей державы планеты еще больше укрепятся. Потери в результате войны будут относительно небольшими – несколько десятков тысяч человек. При этом в наиболее выигрышном положении окажется Китай, который укрепит позиции в Центральной Азии.

После войны наступит *золотое десятилетие* для США, которые продолжат милитаризацию космоса. Польша начнет укреплять свои позиции в Европе, и в ее состав войдет Белоруссия. Прочие союзники образуют новую конфедерацию, управляемую из Варшавы. Однако в 2080-х гг. развитие Мексики постепенно приведет к ослаблению США, в результате чего в США возникнут районы, полностью заселенные мексиканцами. Рост мексиканской экономики подстегнет мексиканский национализм, что, в свою очередь, приведет к нагнетанию мексикано-американских противоречий. Развернется полно-

масштабное соперничество между США и Мексикой за лидерство в Северной Америке. Это соперничество разрешится уже в XXII в.

Практически все вышеперечисленные сценарии спокойной жизни человечеству в ближайшие десятилетия не обещают. А некоторые предрекают нам не только региональные, в том числе ядерные, конфликты, но даже новую мировую войну. Значит, потребность в обладании военной силой, а следовательно, и ЯО как наиболее ярким ее воплощением у военно-политического руководства великих держав, а также у лидеров наиболее амбициозных государств, скорее всего, сохранится, как минимум, на десятки лет.

ДОРОЖНАЯ КАРТА ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ

Подобное видение будущего укрепляет уверенность в том, что ЯО в наступившем веке, скорее всего, не исчезнет из арсенала политических и военных средств и будет присутствовать и учитываться в отношениях между ядерными державами и остальным миром еще неопределенно долгое время. Хотя борьба мирового сообщества за ядерное нераспространение усиливается, для многих стран обладание ЯО станет жизненно необходимым условием собственного выживания.

ЯО играет важнейшую роль не только во время войны, но и в мирное время. Оно представляет собой самый наглядный пример попытки монополизации военной силы. Сам процесс его создания был засекречен во всех странах. Так была сделана попытка монополизации ядерного знания. Но, как мы знаем, она не удалась. После первого ядерного испытания и применения ЯО Соединенными Штатами против Японии у них возникла иллюзия о возможности монопольного использования этой силы. (Кстати, создание глобальной системы противоракетной обороны также, по своей сути, есть продолжение подобной иллюзии.) Затем, после провала и этой попытки, были предприняты усилия в направлении монополизации власти над ЯО, вылившиеся в ДНЯО – как вариант монополии *пятерки* стран на ЯО. Но и эта попытка оказалась неудачной. ЯО расплзается по планете – сначала в виде ядерного знания, затем в материальной форме, а за ним и в правовой. Сегодня монополизм как знания, так и силы в глобальном мире невозможен. И если он невозможен в экономике и геополитике, кто с ним согласится в ядерной сфере? Говоря языком экономистов, появление ЯО мгновенно и радикально изменило геополитическую *конкурентную среду*, дав его обладателю монополию на *абсолютную* военную силу. Именно эта ситуация вынудила геополитических конкурентов Соединенных Штатов сделать все, чтобы эту монополию ликвидировать.

По ряду оценок, сегодня в мире существует 30–40 государств, располагающих техническими и промышленными возможностями для производства ЯО, имеющих ядерные силы или развивающих мирные и военные ядерные программы. По официальным данным МАГАТЭ, 70 государств осуществляют «значительную ядерную деятельность», т.е. располагают энергетическими и/или исследовательскими реакторами и, следовательно, теоретически в состоянии развернуть военную ядерную программу. Среди них: пять официально признанных в соответствии с ДНЯО ядерных государств – США, Россия, Великобритания, Франция и Китай; два непризнанных таковыми, но проведших ядерные испытания (Индия и Пакистан); государства, в отношении которых есть мнение о том, что они уже обладают ЯО (такие как Израиль, КНДР); ряд стран, уже имевших ЯО или могущих произвести его в короткие сроки либо стремившихся тем или иным путем завладеть им, – ЮАР, Бразилия, Аргентина, Швеция, Швейцария, Италия, Австралия и другие.

Если в XX в. обладание ЯО было привилегией сильных, развитых в военно-технологическом отношении государств, то в XXI в. намечается обратная тенденция. Это оружие привлекает относительно слабые государства, рассчитывающие с его помощью компенсировать свою военно-технологическую отсталость. И поскольку количество и качество ЯО у подобных государств не может привести к взаимному уничтожению в военном конфликте между ними, то стороны оказываются перед дилеммой: прибегнуть первым к ЯО или потерять его⁵⁵.

Поэтому вполне естественно, что, хотя роль ЯО и ядерного сдерживания в отношениях великих держав снижается, ни одна из сегодняшних *де-юре* ядерных держав в таких условиях никогда не откажется от своего ядерного статуса. Ведь этого требует не только стремление сохранить высокое место в мировой *табели о рангах*, но и элементарное чувство здорового государственного самосохранения. Пока существует военная сила, она существует, в первую очередь, для устрашения потенциальных противников. Так, в докладе «Ядерное оружие в современном мире и безопасность России», выпущенном в 2001 г. рабочей группой Совета по внешней и оборонной политике, отмечается, что ядерные державы обречены на взаимное сдерживание в сути своих стратегических взаимоотношений. Сдерживание может выйти на передний план в условиях кризиса или отступить за кулисы текущей политики в обстановке улучшения отношений, но оно остается объективной реальностью и незримо присутствует всегда. При этом сдерживание допускает широкий диапазон моделей как при равном, так и неравном положении сторон. Кроме того, сдерживание еще рассматривается в смысле гарантии от выхода другой стороны из договорного режима и возобновления гонки наступательных и оборонительных ядерных вооружений, а именно такой аспект сдерживания становится все более важным после окончания холодной войны и на обозримое будущее.

Чтобы между ядерными державами могло не быть отношений взаимного ядерного сдерживания, необходимо соблюдение ряда условий:

- державы являются военно-политическими союзниками;
- они находятся вне досягаемости ядерных носителей друг друга;
- их ядерные средства явно направлены против третьей стороны;
- у одной из них есть подавляющее ядерное превосходство и потенциал разоружающего удара против другой.

И, наконец, ядерное сдерживание в его традиционной модели может быть упразднено при создании эффективных систем противоракетной обороны и защиты от других видов ядерных носителей одной из сторон. А так как сегодня стратегическое взаимодействие России и США не удовлетворяет ни одному из этих условий, то система их взаимного ядерного сдерживания, по мнению авторов этого доклада, сохраняется⁶⁶.

В то же время анализ концептуальных документов ведущих ядерных держав, выступления официальных лиц и специалистов, ряд конкретных шагов в сфере стратегических вооружений позволяют сделать вывод о том, что отношение к ЯО, а следовательно, и к ядерному сдерживанию как инструменту обеспечения стратегической стабильности и национальной безопасности в современных условиях претерпевает определенную трансформацию. Ключевой проблемой выработки адекватных подходов к определению возможных направлений эволюции роли ядерного фактора для отношений традиционных ядерных держав является определение роли ядерного сдерживания в условиях многополюсного мира. События последних лет показали, что в сложившейся геополитической ситуации ЯО не способно играть роль сдерживающего фактора, тем более противостоять тем новым угрозам безопасности и стабильности, которые могут возникнуть в многополярном мире, поскольку их основная часть лежит ниже уровня, оправдывающего рациональность ядерной войны. В то же время система кризисной стабильности, основанная на ЯО, создает комфортную для всех участников глобального ядерного баланса сил ситуацию, когда ни одна из сторон не заинтересована в одномоментном нарушении этого баланса или ином действии, создающем стимулы для эскалации вооруженного противоборства обычными силами⁶⁷.

Таким образом, сегодня можно говорить только о тех необходимых условиях, которые должны быть созданы всего лишь для обеспечения принципиальной возможности достижения *ядерного нуля*. Ведь существующая система правил поведения в ядерной сфере была сконструирована совсем в другом – биполярном – мире. И создавали ее страны и люди, которые своей реальной целью ставили не безъядерный мир, а собственную ядерную монополию.

Поскольку вопрос о полном уничтожении ЯО не стоит в реальной повестке дня не только современных, но и, судя по всему, будущих политических лидеров, необходимо разрабатывать новые правила и условия безопасной жизни в ядерном веке. Достижение таких условий может быть обеспечено посредством следующих **необходимых шагов**.

Во-первых, определение тех международных институтов, на которые может быть возложена миссия ядерного разоружения. При расширении двустороннего формата переговоров обязательно необходим соответствующий международный орган, координирующий процесс взаимодействия стран-участников. При всех многочисленных претензиях к ООН, на подобную работу в нашем сложном мире способна лишь эта организация.

Россия и США свою часть дороги к ядерному разоружению уже прошли. И не просто прошли, а сформировали своеобразную *дорожную карту* этого процесса. Поэтому, успех процесса дальнейшего ядерного разоружения зависит от того, когда на эту дорогу выйдут другие ядерные государства и какой *дорожной картой* они будут пользоваться. Эта *дорожная карта* должна стать первой страницей толстого подробного атласа нового облика безъядерного мира. И одним из подводных камней на пути создания международного института ядерного разоружения является сложность достижения консенсуса, который необходим именно потому, что без него мы останемся там же, где находимся сегодня.

Во-вторых, формирование официального перечня стран – членов нового ядерного клуба с *амнистией* вновь заявляемых ядерных держав, т.е. легализация всего существующего ЯО.

Этот шаг позволит, с одной стороны, вывести из тени уже созданное ЯО, с другой – в определенной степени удовлетворить амбиции его обладателей, дав им *ядерный статус* и поставив при этом в определенные юридические рамки и под жесткий контроль. Ведь *ядерный статус* налагает вполне конкретные требования к владельцу ЯО и его политике.

В-третьих, окончательное *закрытие* (по дате или перечню – не важно!) списка ядерных держав с определением новой эффективной системы жестких санкций за его нарушение.

Такой шаг потребует, скорее всего, определенной доработки ДНЯО или даже его замены новым, более адекватным сегодняшним реалиям договором. Это требование даст возможность изжить рецидивы блокового мышления, в значительной степени присущие разоруженческим соглашениям 1960-х – 1970-х гг. Необходимость указанной меры подтверждается явным *пробуксовыванием* последних обзорных конференций ДНЯО.

В-четвертых, фиксация достигнутых уровней ядерных вооружений на многосторонней основе и тем самым их легализация. Определение мер транспарентности и способов верификации ядерных арсеналов. Согласование ядерных стратегий и программ.

Это обеспечит возможность вовлечения в диалог всех ядерных стран и создаст предпосылки, как минимум, для сохранения ядерной опасности на прежнем уровне. Координация же стратегий поведения позволит повысить предсказуемость политики ядерных стран и позволит до минимума снизить риск спонтанного ядерного конфликта.

В-пятых, создание новой международной системы безопасности и *переформатирование* режима нераспространения.

Это потребует формирования нового понимания не только современной, но и перспективной системы *кнутов* и *пряников*, способной эффективно действовать еще многие десятилетия. При этом необходимо учитывать, что аппетиты ядерных игроков растут, а *пряники* стоят все дороже.

В-шестых, формирование новой системы гарантий и условий развития мирных ядерных программ в любых странах мира без их разделения на *хороших* и *плохих*, без *осей зла* и *стран-изгоев*.

Именно в русле этого шага лежит российское предложение о создании международного хранилища ядерного топлива.

В-седьмых, разрешение легальным ядерным державам проведения периодических (раз в 10–15 лет) ядерных испытаний для проверки надежности ядерных арсеналов и сохранения квалификации специалистов-ядерщиков⁵⁸. Эти испытания должны отвечать всем требованиям радиационной и экологической безопасности и, может быть, проходить под контролем МАГАТЭ или какой-либо другой международной организации.

Данное предложение, конечно, может показаться наиболее радикальным и наименее приемлемым. Но без него говорить о правильном понимании состояния дел в сфере ЯО, а также квалифицированно контролировать режим нераспространения будет невозможно. Только испытания позволяют уверенно и безопасно производить, эксплуатировать, хранить и утилизировать ядерные боеприпасы.

Чтобы пройти все эти шаги, потребуется не менее 15–20 лет. При этом следует отметить, что эти меры должны быть реализованы все и полностью. Изъятие любой из них приведет к неудаче, поскольку не устранятся все причины, способствующие сегодняшней ситуации.

От успешности этих шагов будет зависеть возможность достижения **достаточного** условия ядерного разоружения – добровольного отказа всех государств от ядерного оружия и от применения военной силы в международных отношениях. Однако, судя по всему, как справедливо писал великий русский поэт Н.А. Некрасов, «жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе».

Примечания

¹ Сычева Валерия. Прощание по-славянски. *Итоги*, № 34(688), 2009, 17 августа, <http://www.itogi.ru/polit-tema/2009/34/143119.html> (последнее посещение – 25 ноября 2009 г.).

² Иран предлагает создать комитет по ядерному разоружению. *Время Востока*, 2008, 24 сентября, <http://www.easttime.ru/news/2/11/668.html> (последнее посещение – 25 ноября 2009 г.).

³ Терехов Андрей. Полное ядерное разоружение возможно. *Независимое Военное Обозрение*, 2009, 10 июля, http://nvo.ng.ru/concepts/2009-07-10/6_razorujenie.html

⁴ Обама предлагает ядерное разоружение, *Радио Свобода*, 2009, 5 апреля, <http://www.svobodanews.ru/content/article/1602310.html> (последнее посещение – 25 ноября 2009 г.).

⁵ Совместное понимание по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях стратегических наступательных вооружений, 2009, 6 июля, <http://tours.kremlin.ru/text/docs/2009/07/219078.shtml> (последнее посещение – 25 ноября 2009 г.).

⁶ Строкань Сергей, Сидоров Дмитрий. А теперь перегрузка. *Коммерсантъ*, № 134/П (4189), 2009, 27 июля, <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1210932> (последнее посещение – 25 ноября 2009 г.).

⁷ Иффт Эдвард. Следующие шаги в российско-американском процессе сокращения вооружений. *Индекс Безопасности*, № 2 (89), Том 15, Лето 2009, с. 129–134.

⁸ Федосов Е.А. Мощь, которая ослабляет. *Российское Военное Обозрение*, № 5, 2004, с. 6–9; Слипченко В.И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М.: Вече, 2002, 384 с.

⁹ Соков Н.Н. Эволюция ядерной политики США: возрастет ли роль ядерного оружия? *Ядерный Контроль*. № 3 (69), Том 9, Осень 2003, с. 71–86.

¹⁰ Цилюрик Дарья. Обама предъявляют счет за Москву. *Независимая Газета*, 2009, 14 июля, http://www.ng.ru/world/2009-07-14/2_obama.html (последнее посещение – 25 ноября 2009 г.).

¹¹ Вандам А.Е. Геополитика и геостратегия. М.: *Кучково поле*, 2002, 272 с.

¹² Кингстон-Макклори Эдгард Джеймс. Глобальная стратегия. М.: *Военное издательство МО СССР*. 1959.

¹³ Лиддел Гарт Б.Х. Стратегия непрямых действий. М.: *Издательство иностранной литературы*, 1957.

- ¹⁴ Новицкий В.Я. Высшая стратегия. СПб.: Типография Морского Министерства в Главном Адмиралтействе, 1913. 97 с.
- ¹⁵ Ежегодник СИПРИ 2007: вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2008. 894 с.
- ¹⁶ Варавва В.П., Дронов В.А., Думик В.П. и др. Ядерное оружие и национальная безопасность. Институт стратегической стабильности Росатома. Саранск: *Красный Октябрь*, 2008. 188 с.
- ¹⁷ Соловьев Вадим. Ядерная доктрина США. *Независимое Военное Обозрение*, 2002, 22 марта, http://nvo.ng.ru/wars/2002-03-22/1_doctrine.html (последнее посещение – 25 ноября 2009 г.).
- ¹⁸ Новое ядерное оружие американцев может произвести революцию в тактике ведения войн, 2003, 21 августа, <http://www.newsru.com/world/21Aug2003/weapon.html> (последнее посещение – 25 ноября 2009 г.).
- ¹⁹ Новая ядерная доктрина США: противнику грозят «превентивные ядерные удары», 2005, 12 сентября, <http://www.newsru.com/world/12sep2005/omu.html>
- ²⁰ Ахтамзян И.А. ЯОГ: Ядерные программы, военные доктрины, политика в области ядерного нераспространения. ПИР-Центр, <http://www.pircenter.org/data/SS/NucProg.pdf> (последнее посещение – 25 ноября 2009 г.).
- ²¹ Зыгарь Михаил. Россию разбили на двенадцать мишеней. Эксперты подсказывают Бараку Обаме, куда нацелить ядерные ракеты. *Коммерсантъ*, № 67(4122), 2009, 15 апреля, <http://www.komersant.ru/doc.aspx?DocslD=1155792&print=true> (последнее посещение – 25 ноября 2009 г.).
- ²² Бжезинский Збигнев. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М.: *Международные отношения*, 2004, 288 с.
- ²³ Военная стратегия. Под ред. маршала Советского Союза В.Д. Соколовского. М.: *Воениздат*, 1968, 464 с.
- ²⁴ Военная доктрина Российской Федерации. М.: 2000; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537. *Российская Газета*, № 88(4912), 2009, 19 мая.
- ²⁵ Великобритания провела первые за четыре года ядерные испытания, 2006, 24 февраля, <http://www.lenta.ru/news/2006/02/24/bomb/> (последнее посещение – 25 ноября 2009 г.).
- ²⁶ Кирилов Роман. Блэр открывает дебаты по ядерному оружию, *РБК Daily*, 2006, 20 ноября, <http://www.rbcdaily.ru/2006/11/20/focus/250424> (последнее посещение – 25 ноября 2009 г.).
- ²⁷ <http://www.pravda.ru/news/world/04-12-2006> (последнее посещение – 25 ноября 2009 г.).
- ²⁸ Невзоров Алексей. Ядерный национализм по-французски-2. Агентство политических новостей, 2005, 18 февраля, <http://www.apn.ru/publications/article1292.htm>
- ²⁹ Гусейнов Э.Ф. Франция готова нанести превентивный удар – новая ядерная доктрина Франции. *Национальная Безопасность*, <http://www.nationalsecurity.ru/library/00028/00028nuclearfrance.htm> (последнее посещение – 25 ноября 2009 г.).
- ³⁰ Сосновский М.Е. Ядерная политика и ядерное оружие Франции. *Национальная Оборона*, № 4, 2006, <http://www.iss.niit.ru/pub/pub-98.pdf>
- ³¹ Галлуа П.-М. Главное для России сохранять и наращивать ядерный потенциал. *Красная Звезда*, 2004, 5 ноября.
- ³² Золотарев П.С. Современная ядерная стратегия Китая. 2009, 2 апреля, <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/vprint/34192/> (последнее посещение – 25 ноября 2009 г.).
- ³³ Сосновский М.Е. Ядерная политика и ядерное оружие Китая. *Национальная Оборона*, № 8, 2006.
- ³⁴ Басрур Р. К вопросу о ядерной доктрине Индии. *Ядерный Контроль*, № 1 (75), Том 11, Весна 2005, с. 41–50.
- ³⁵ Президент Индии призывает крупные державы подать пример другим в полном ядерном разоружении, 2005, 23 мая, <http://www.moscowuniversityclub.ru/home.asp?artId=1728> (последнее посещение – 25 ноября 2009 г.).
- ³⁶ Индия готова делать шаги по ядерному разоружению, прозвучало на конференции в Мюнхене, 2009, 6 февраля, <http://www.newsru.com/world/06feb2009/yadern.html> (последнее посещение – 25 ноября 2009 г.).

- ³⁷ Искандеров П. Индия не беспокоит. *Время Новостей*, № 132, 2009, 27 июля.
- ³⁸ Сотников В.И. Ядерная доктрина Пакистана, 2009, 25 марта, <http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/25-03-09.htm> (последнее посещение – 25 ноября 2009 г.).
- ³⁹ Тимербаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968. М.: Наука, 1999. 383 с.
- ⁴⁰ Брезкун С. Разоружаться можно только в честном мире. *Национальная Оборона*, № 4 (37), 2009, с. 14–30.
- ⁴¹ Сахаров А.Д. Опасность термоядерной войны. Открытое письмо доктору Сиднею Дреллу, 1983, 2 февраля, <http://www.iseu.by/rus/memoria/sakharov/sakharov/atom.html> (последнее посещение – 25 ноября 2009 г.).
- ⁴² Гудби Джеймс. Инициатива ядерного разоружения как основа для будущих соглашений. *Индекс Безопасности*, № 2 (89), Том 15, Лето 2009, с. 19–29.
- ⁴³ Гейтс Роберт. Сбалансированная стратегия. *Россия в Глобальной Политике*, № 2, Март-Апрель 2009, <http://www.globalaffairs.ru/numbers/37/11574.html> (последнее посещение – 25 ноября 2009 г.).
- ⁴⁴ Храмчихин Александр, Ремизов Михаил, Ващенко Алексей, Белковский Станислав. Опасность ядерного разоружения. Перспективы создания новых российских ядерных сил. К встрече Дмитрия Медведева и Барака Обамы. Доклад Института национальной стратегии. М., 2009. <http://www.apn.ru/publications/article21494.htm> (последнее посещение – 25 ноября 2009 г.).
- ⁴⁵ Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. Синергетика: от прошлого к будущему. М.: УРСС, 2003. 288 с.
- ⁴⁶ Ляпина Э. Проект «За Новый Американский Век», <http://amstd.spb.ru/21cent/newcent.htm> (последнее посещение – 25 ноября 2009 г.); Проект Нового Американского Столетия (PНАС), 2007, 12 июня, <http://t0x4.livejournal.com/786.html> (последнее посещение – 25 ноября 2009 г.).
- ⁴⁷ Гриняев Сергей, Ковтуненко Михаил. Будущее России по оценкам Национального совета по разведке США. Основные ориентиры прогноза «Глобальные тенденции 2020». <http://www.agentura.ru/dossier/russia/people/grinyaev/2020> (последнее посещение – 25 ноября 2009 г.).
- ⁴⁸ В 2025 году Россия будет... *Стра [тер], ру*, 2002, 2 ноября, <http://stra.teg.ru/library/global/0/0/print> (последнее посещение – 25 ноября 2009 г.).
- ⁴⁹ Колесниченко О. Мода на стратегии. *Военно-Промышленный Курьер*, № 29(295), 2009, 29 июля.
- ⁵⁰ Colomer Josep M. *Great Empires, Small Nations. The Uncertain Future of the Sovereign State*. London; New York: Routledge, 2007. 114 p. Цит. по: Бусыгина И.М. Великие империи, малые нации. Неясное будущее суверенного государства. *Неприкосновенный Запас*. 2008, № 3(59).
- ⁵¹ Третьяков В.Т. Два Евросоюза – одна (и единая) Европа. *Политический Класс*, № 4(52), апрель 2009, с. 18–25.
- ⁵² Бэттлер Алекс. Контурсы мира в первой половине XXI века и чуть далее. *Мировая Экономика и Международные Отношения*, 2002, № 1, с. 73–80.
- ⁵³ Габуев Александр. США объявили Китаю перезагрузку. *Коммерсантъ*, № 136 (4191), 2009, 29 июля, <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocID=1211889>
- ⁵⁴ Friedman George. *The Next 100 Years: A Forecast for the 21st Century*. Doubleday, New York, 2009. Цит. по: XXI век: до и после Третьей мировой войны. Сценарий американского футуролога. *Политический Класс*, № 5 (53), май 2009, с. 26–46.
- ⁵⁵ Тимербаев Р.М. Режим ядерного нераспространения на современном этапе и его перспективы. Научные записки ПИР-Центра: национальная и глобальная безопасность, № 1 (25), М., октябрь 2004; Федоров Ю.Е. *Ядерный фактор* в мировой политике XXI века. *Pro et Contra*, Внешняя политика нового века, Том 7, № 4, октябрь 2004, с. 57–71.
- ⁵⁶ Ядерное оружие в современном мире и безопасность России. Доклад рабочей группы Совета по внешней и оборонной политике. М., 2001.
- ⁵⁷ Ядерный фактор в современном мире. М.: *Российский институт стратегических исследований*, 1996. 258 с.
- ⁵⁸ Автор благодарит старшего вице-президента ПИР-Центра, генерал-лейтенанта (в отставке) Г.М. Евстафьева за идею легализации проведения периодических ядерных испытаний.